

УДК 008 (Цивилизация. Культура. Прогресс)

ЛЕРМОНТОВСКИЙ СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА, ИЛИ ТРАНСМИССИЯ КУЛЬТУРЫ

© 2020 М.А. Дударева

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2 Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин; заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Российский университет дружбы народов.

Москва, Московская область, Россия

Журнал «Невечерний свет/Infinite».

Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 19.10.2020

Предмет статьи: вертикальная трансмиссия культуры. В статье рассматривается, как реализуется в современной литературе и массовой культуре лермонтовский сюжет. *Объект статьи:* повесть «Тамань» из лермонтовского романа «Герой нашего времени» и стихотворение Валерия Дударева «Тамань». Многие писатели открыто обращаются к известному роману «Герой нашего времени», что делает их произведения легко распознаваемыми. Однако в современной поэзии существуют примеры и латентного органичного усвоения лермонтовского сюжета. *Методология работы:* целостный анализ художественных текстов в свете трансмиссии культуры, фольклорных образований, предполагает обращение к структурно-типологическому, сравнительно-сопоставительному, системно-комплексному (культурологическому) методам исследования. *Результаты:* в повести Лермонтова и стихотворении Дударева можно наблюдать трансмиссию культуры, которая проявляется через архетипическую ситуацию переправы, катания в лодке Печорина в лунную ночь. Этот ритуальный элемент сюжета требует дополнительного культурологического комментария.

Ключевые слова: Традиционная культура, национальный образ мира, русская литература, Лермонтов, Дударев, трансмиссия культуры, символ.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-74-93-97

Введение.

В современных исследованиях, посвященных творчеству М.Ю. Лермонтова, особым образом выделилась тема «Лермонтов и массовая культура» [14; 15]. В последние десять лет отечественной гуманитаристики все больше появляется работ, в которых представлены пути художественного освоения и усвоения литературой конца XX — начала XXI века лермонтовских сюжетов, мотивов и т. д. В центре внимания и творческой переработки часто оказывается роман «Герой нашего времени», открытое и латентное влияние которого обнаруживаем в произведениях Б. Окуджавы, В. Маканина, С. Довлатова, Б. Акунина [3]. Исследователи выявили две тенденции такого освоения: с одной стороны, «художественная система “Героя нашего времени” получала сложнейшее преломление», с другой стороны, механистически воспроизводились лермонтовские герои, сюжетные схемы, повест-

вательная техника [14, с. 161]. Однако сюжет известного романа и его главный герой Печорин, которые имеют высокую *опознаваемость* благодаря школьной программе, воплотились не только в большой прозе, но и в поэзии, особенно в интернет-культуре. Достаточно открыть страницы известных литературных порталов «Стихи.ру», «Изба-читальня» — и мы найдем примеры стихотворений, в которых Печорин используется уже как культурный код, его образ является главным. Но есть примеры и другого, *латентного* осмысления сюжета лермонтовского романа в поэзии.

Материалы и методы.

Так, в стихотворении «Тамань» русского поэта и главного редактора (2007 — 2019) журнала «Юность» Валерия Дударева поэтически обыгрывается сюжет повести «Тамань». Приведем текст полностью.

Долька в небе.
Долька в море.
Долька-месяц там и тут.
Как прожить в таком просторе
Даже несколько минут?!

Весь простор велик и черен —
Блещут молнии одне!
Но не тонет мой Печорин
В набегающей волне.

Долька-лодка по стихии,
Всем ветрам малым-мала,
Носит тихие, лихие
Контрабандные тела:

Нож в руке горит — проворен,
Чик по горлу — и ко дну...
Не утонет друг Печорин.
Я скорее утону.

[4, с. 3–4]

Интересно то, что именно это стихотворение Дударева из его цикла о русских поэтах (среди прочих были стихи о Сергее Есенине, Венечке Ерофееве, Новелле Матвеевой, Евгении Евтушенко, Александре Климове-Южине, Евгении Лесине, Андрее Шацкове) отобрал для публикации издательский дом «Первое сентября», который выпускает журнал «Литература», адресованный учителям русской словесности и ориентированный на формирование представлений о современной поэзии в средней школе (стихотворение опубликовано в интервью за 2018 год [5]). Однако это стихотворение при несомненной узнаваемости и *формульности* (использован известный топоним Тамань, лодка, в которой едва не утонул Печорин) нуждается в дополнительных историко-литературном и культурологическом комментариях. В нашей статье речь пойдет о вертикальной трансмиссии культуры, освоении лермонтовского кода современной поэзией. Для анализа применяем типологический и системный методы, позволяющие воспринимать текст в широком пространстве мировой культуры.

С одной стороны, сюжет стихотворения достаточно прост и напрямую связан с одной из частей романа «Герой нашего времени» — «Таманью», на что учащиеся легко обратят внимание. В этом, пожалуй, состоит формульное начало данного текста (формульность как основное свойство массовой литературы [7]). Но только в

этом — в отсылке к повести «Тамань». Здесь придется вспомнить сюжет самой повести, который сводится к пребыванию Печорина в старой хате на краю деревни, где герой знакомится с загадочными постояльцами: полуслепым мальчиком, старухой, девушкой-ундиной, ожидающей то ли возлюбленного, то ли ценный груз... Кульминацией повести становится странное *катание в лодочке* Печорина и девушки из мирного круга честных контрабандистов в лунную ночь. Как мы помним, главный вопрос для читателя всегда состоял в том, предаст или не предаст Печорин банду честных контрабандистов, раскроет их тайну или нет. Казалось бы, что современный поэт все стихотворение выстроил на этой квинт-эссенции, обратившись к картине лунной ночи и лодки, в которой, по замыслу девушки-ундины, должен был утонуть ее разоблачитель. Однако если идти по тексту Лермонтова, то с символом лодки мы встречаемся до сцены поединка героев. Печорин, узнав тайну, начинает угрожать девушке-контрабандистке, и между героями разыгрывается весьма странный с точки зрения аксиологического и онтологического смысла диалог, который здесь мы приведем полностью: «Скажи-ка мне, красавица, — спросил я, — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же, разве ты песню зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а от худа до добра опять не далеко». — «Кто ж тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; вздумается — запою: кому услышать, тот услышит, а кому не должно слышать, тот не поймет». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю?» — «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал» [8, т. 6, с. 256].

Итак, Печорин, человек светских знаний, пребывая в Тамани по казенной надобности, не понимает, казалось бы, простой песни девушки и ее ответов. Однако это противоречие можно разрешить только с точки зрения онтологического смысла, *ритуальной логики* текста (ср.: Печорин не понимает скрытых ответов Бэлы на свадьбе, когда она поет песню о тополе [2, с. 15]). Печорин постоянно пребывает в *лиминальном* состоянии, он хорошо понимает, что делает *что-то* не так, нарушая моральный закон. Он сам отмечает, что в нем живут два человека: «Моя

бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом... <...> Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил...» [8, т.6, с. 297]. Герой пытается преодолеть эту двойственность, находясь в поисках таких пограничных ситуаций, приближенных к смерти.

Результаты.

Повесть «Тамань» наполнена символами, обладающими *мортальным значением*. Во-первых, показательно само место для ночлега, которое досталось Печорину, — старая хата на краю деревни олицетворяет локус, потенциально связанный с «тем светом» [11]. Во-вторых, герои с физическими увечьями, пугающие Печорина, указывают в этом ритуальном контексте на ущербность, неполноту формы, которыми характеризуется оборотность мира. По замечанию С. Ю. Неклюдова, оборотный мир связан с неполнотой формы, хромостью, слепотой и т. д., а также состоянием *порога* [9]. Последнее Печорин познает, когда идет кататься лунной ночью в лодочке с девушкой-ундиной, предупредившей его прежде днем своей песней о разбойничьем корабле: «Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. “Взойдем в лодку”, — сказала моя спутница...» [8]. Но герой предупреждения не расслышал, не понял. По славянским представлениям, лодка, ладья являются атрибутами похоронной обрядности, они выполняют медирующие функции [1]. Здесь становится семиотически важен сам факт *катания в лодочке*. Эта ритуальная ситуация у Лермонтова и Дударева также маркирована символом луны / месяца. В поэтике Лермонтова лунный пейзаж имеет особое значение, отличается семантической напряженностью (вспомним борьбу Мцыри с барсом в лунную ночь и странное с бытовой точки зрения описание барса, ласково мотающего хвостом [12, с. 93]). Дударев соединяет воедино образ лодки и месяца, месяц превращается в долька-лодку, уравнивает эти образы. Здесь также возникает сложный подтекст, онтологический смысл, которым наделена лексема «долька», плавно переходящая в сознании в *долю*, судьбу (появляется образ ножа). Подобные представления месяца в виде лодки находим и в художественном мире С. Есенина («Коромыслом серб двурогий // Плавно по небу

скользит» [6, т.4, с. 59]), к поэзии которого современный автор не раз обращался в своем творчестве. Таким образом, осуществляется культурная трансмиссия в поэтическом тексте Дударева.

Под трансмиссией культуры обычно подразумевается наследование разных культурных кодов, правил, норм младшим поколением, передача *сакральных знаний от отцов к детям* [13]. Однако здесь эта трансмиссия происходит в Логосе и через Логос. Наследуются глубокие фольклорные, этнографические представления славян о лодке, ее ритуальном значении, медирующих функциях, архетипе луны, которые выражаются в современной поэзии через прямое и опосредованное обращение к роману «Герой нашего времени».

Конечно, автор не может слепо следовать за фольклорной традицией или каким-либо текстом, иначе речь будет идти о стилизации, а стихотворение «Тамань» представляет все-таки самостоятельное, отдельно звучащее произведение. Печорин Дударева не тонет, как и лермонтовский, но тонет или утонет лирический герой. Апофатичность концовки может быть вызвана разными причинами, как биографическими (стихотворение написано за два года до смерти), так и художественными:

Нож в руке горит — проворен,
Чик по горлу — и ко дну...

Не утонет друг Печорин.

Я скорее утону.

[4, с.

4]

В этом и заключается существенное отличие от сюжета Лермонтова: у Печорина пропал серебряный кинжал после поединка в лодке, в этом фрагменте в романе нож больше нигде не фигурирует, а в современном стихотворении от ножа может погибнуть герой. Это отбрасывает нас на несколько строк назад:

Долька-месяц там и тут.

Как прожить в таком просторе

Даже несколько минут?!

[4,

с. 3]

Стихотворение не столько о Печорине, сколько о личной судьбе своего нового лирического героя, который ни в коем случае не является Печориным. Здесь важно в онтологическом плане ощущение простора, соединения неба с морем /

землей (месяц на небе, месяц на море). В русском космо-психо-логосе важна география пространства, апофатизм равнины, по тонкому наблюдению В. П. Океанского [10, с. 241], но, думается, эта бездонность и бескрайность распространяются и дальше, на море, за пределы равнины.

Вывод. С особой силой, в онтологическом и аксиологическом ключе, звучит вопрос Дударева: как прожить в таком просторе? Видимо, прожить можно так, как жил лермонтовский Печорин, пребывая в поисках «иног царства», рискуя жизнью, не боясь смерти. Так сплетаются два текста, роман XIX века и стихотворение XXI ве-

ка, но последнее, несмотря на прямые отсылки к лермонтовскому сюжету, требует пристального комментирования и обращения к широкому контексту народной традиционной культуры. Через текст Валерия Дударева, его стихотворение «Тамань», мы можем глубже понять и «Тамань» классика, характер Печорина. В этом, на наш взгляд, также выражается *трансмиссия культуры*, опосредованное наследование и органичное усвоение через *чужое слово* (в данном случае творчество Лермонтова) современной поэзией архаических представлений наших предков, ритуального и обрядового поведения.

1. Анучин, Д. Н. Сани, ладя и кони как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Московского Археологического общества. – М.: Типография и Словолитня О. О. Гербекъ, 1890. – Т. 14. – С. 81–226.
2. Галиева, М. А. Фольклоризм прозы М. Ю. Лермонтова: постановка вопроса. Повесть «Тамань» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 22. – С. 15–20.
3. Доброзракова, Г. А. Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2011. – № 7 (69). – С. 169–180.
4. Дударев, В. Стихи // Нева. – 2017. – № 10. – С. 3–9.
5. Дударев, В. Тамань // Литература. – 2018. Ноябрь–декабрь. – С. 57.
6. Есенин, С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. – М.: Наука: Голос, 1996. – Т. 4. – 544 с.
7. Кавелти, Дж. Г. Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–64.
8. Лермонтов, М. Ю. Собр. соч.: в 6 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 6. – 900 с.
9. Неклюдов, С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nekludov8.htm> (дата обращения: 09.03.2020).
10. Океанский, В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. – Иваново: ШГПУ, 2010. – 358 с.
11. Погребная, Я. В. Аспекты современной мифопоэтики: учебное пособие. Практикум. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. – 124 с.
12. Смирнов, В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. – Иваново: Юнона, 2001. – 234 с.
13. Черепова, А. А. Междисциплинарный подход к определению понятия «культурная трансмиссия» // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 8. – С. 99–101.
14. Юхнова, И. С. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в массовой культуре // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 1. – С. 159–166.
15. Юхнова, И. С. Судьба Лермонтова как сюжет массовой литературы // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2014. – № 1. – С. 174–181.

LERMONTOV'S PLOT IN CONTEMPORARY LITERATURE. ON ONE POEM BY VALERY DUDAREV, OR TRANSMISSION OF CULTURE

© 2020 M.A. Dudareva

Marianna Dudareva, PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Russian language no. 2 of the FRYA and OD.

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru
Peoples ' friendship University of Russia.
Moscow, Russia

Subject of the article: vertical transmission of culture. The article discusses the way Lermontov's plot is implemented in modern literature and mass culture. Many writers openly refer to the famous novel "A Hero of Our Time", which makes

their works easily recognizable. However, in contemporary poetry there are examples of latent organic mastery of Lermontov's plot. The research object is a poem "Taman" by Valery Dudarev, in which the transmission of culture is observed, manifested through the archetypal situation of crossing, sailing in Pechorin's boat on a moonlit night. Both in Lermontov's story and in Dudarev's poem this plot requires an additional cultural background commentary. The study is based on a holistic analysis of a literary text using the structural-typological, comparative, system-integrated research methods.

Keywords: Traditional culture, national image of the world, Russian literature, Lermontov, Dudarev, transmission of culture, symbol.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-74-93-97

1. Anuchin, D. N. Sani, lad'ja i koni kak prinadlezhnosti pohoronogo obrjada (Sani, rook and horses as accessories of the funeral rite) // *Drevnosti. Trudy Moskovskogo Arheologicheskogo obshhestva*. – M.: Tipografijai Slovolitnja O. O. Gerbek#, 1890. – T. 14. – S. 81–226.
2. Galieva, M. A. Fol'klorizmprozy M. Ju. Lermontova: postanovka voprosa. Povest' «Taman» (Folklorism of M. Yu. Lermontov's prose: posing the question. The story "Taman") // *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija*. 2015. № 22. – S. 15–20.
3. Dobrozrakova, G. A. Lermontovskij kod avtopsihologicheskoj prozy S. Dovlatova (Lermontov's code of autopsychological prose by S. Dovlatov) // *Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*. – 2011. – № 7 (69). – S. 169–180.
4. Dudarev, V. Stihi(Poems) // *Neva*. – 2017. – № 10. – S. 3–9.
5. Dudarev, V. Taman' (Taman) // *Literatura*. – 2018. Nojabr'-dekabr'. – S. 57.
6. Esenin, S. A. Poln. sobr. soch.: v 7 t. (Complete. collection cit.: in 7 volumes). – M.: Nauka: Golos, 1996. – T. 4. – 544 s.
7. Kavelti, Dzh. G. Prikljuchenie, tajna i ljubovnaja istorija: formul'nye povestvovanija kak iskusstvo i populjarnaja kul'tura(Adventure, Mystery and Love Story: Formula Narratives as Art and Popular Culture) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. – 1996. – № 22. – S. 33–64.
8. Lermontov, M. Ju. Sobr. soch.: v 6 t. (Sobr. cit.: in 6 volumes). – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – T. 6. – 900 s.
9. Nekljudov, S. Ju. Obrazy potustoronnego mira v narodnyh verovanijah i tradicionnoj slovesnosti [Elektronnyj resurs]. (Images of the other world in folk beliefs and traditional literature). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (data obrashhenija: 09.03.2020).
10. Okeanskij, V. P. Chelovek i total'nost': pojetika prostranstva i ee krizis (Man and totality: poetics of space and its crisis). – Ivanovo: ShGPU, 2010. – 358 s.
11. Pogrebnaja, Ja. V. Aspekty sovremennoj mifopojetiki: uchebnoe posobie. Praktikum (Aspects of modern mythopoeitics: a tutorial). – Stavropol': Izd-vo SGU, 2010. – 124 s.
12. Smirnov, V. A. Literatura i fol'klornaja tradicija: voprosy pojetiki (arhetipy «zhenskogo nachala» v russoj literature XIX – nachala XX veka): Pushkin. Lermontov. Dostoevskij. Bunin (Literature and folklore tradition: issues of poetics (archetypes of the "feminine principle" in Russian literature of XIX – early XX centuries): Pushkin. Lermontov. Dostoevsky. Bunin). – Ivanovo: Junona, 2001. – 234 s.
13. Cherepova, A. A. Mezhdisciplinarnyj podhod k opredeleniju ponjatija «kul'turnaja transmissija» (An interdisciplinary approach to the definition of the concept of "cultural transmission") // *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. – 2016. – № 8. – S. 99–101.
14. Juhnova, I. S. Roman M. Ju. Lermontova «Geroj nashego vremeni» v massovoj kul'ture (Novel "A Hero of our time" by M. Yu. Lermontov in mass culture) // *Ural'skijfilologicheskijvestnik*. – 2013. – № 1. – S. 159–166.
15. Juhnova, I. S. Sud'ba Lermontova kak szuzhet massovoj literatury (Lermontov's fate as a plot of mass literature) // *Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Russkaja klassika: dinamika hudozhestvennyh sistem*. – 2014. – № 1. – S. 174–181.